

М.А. Лаппо

Новосибирский государственный педагогический университет

**Семантика самоидентификации
в когнитивно-дискурсивном аспекте**

Аннотация: В статье заявляется проблема изучения идентичности говорящего субъекта с лингвистической точки зрения. Дискурс о самоидентификации – это одновременно и объект, и инструмент анализа идентичности как элемента картины мира, анализа особенностей языковой личности.

The article declares the problem of studying of identity of the speaking subject from the linguistic point of view. The discourse about self-identification is simultaneously the object, and the tool of the analysis of identity as element of a picture of the world, analysis of features of the language person.

Ключевые слова: самоидентификация, идентичность, когнитивно-дискурсивный подход, языковая личность, языковая картина мира, дискурс.

Self-identification, identity, cognitive-discursive approach, language person, language picture of the world, discourse.

УДК: 811.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 26. НГПУ, кафедра современного русского языка. Тел. (383) 2440952. E-mail: lappo2000@mail.ru.

Проблема идентичности и идентификации в настоящее время в науке и социальной практике встает особенно остро: во-первых, в психологии и социологии анализируется развивающееся с конца XX века явление кризиса идентичности (мир становится теснее, идентичность теряется либо появляются новые идентичности), во-вторых, все большее влияние на сознание человека оказывают разнообразные дискурсы, мыслимые как «условие производства культуры, социальных отношений, идентичности, знания» [Кожемякин].

В связи с развитием коммуникационных ресурсов (расширением телевидения, появлением социальных сетей, ICQ в Интернете и т.д.) у современного человека появилось больше возможностей говорить о самом себе, о своей персоне, о своей роли в социуме. И, как следствие, расширяется репертуар самоидентификационных вербальных средств и коммуникативных стратегий в данной области речевой деятельности. С психологической точки зрения, человек сталкивается с проблемой иерархии идентичностей, когда в одной и той же ситуации актуализируются равноуровневые идентичности, различные роли, аспекты социальной деятельности, вступающие в противоречие между собой.

Так, подобная проблема часто возникает у человека, родители которого относятся к разным национальностям: «Я, сын двух народов – казаков и евреев, говорю о себе 'я – русский', следуя Льву Гумилеву, утверждавшему, что главная самоидентификация – культурная. И все зависит от того, как человек сам себя назвал» (Лев Аннинский, Российская газета, 13 мая 2005 г.).

Понятие *самоидентификация* является производным (и более узким) от понятия *идентификация*: «ИДЕНТИФИКАЦИЯ (от лат. identificare – отождествлять). 5. И. групповая – устойчивое отождествление себя с к.-л. (большой или ма-

лой) социальной группой или общностью, принятие ее целей и системы ценностей (см. Социальная идентичность, Ценностные ориентации), осознание себя членом этой группы или общности. Син. автоидентификация, самоидентификация» (Д.А. Леонтьев) [Большой психологический словарь, 2004]. Мы видим, что в определении термина в 5-м значении «идентификация» синонимизируется с «самоидентификацией».

Связь понятий *идентификация* и *идентичность* представляется нам как связь процесса и результата. Наиболее близкое нам в рамках настоящей работы определение идентичности находим в «Глоссарии по политической психологии»: «ИДЕНТИЧНОСТЬ – в разной степени артикулированное, остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к “своему” миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями; весьма высокая потребность в одобрении своих действий самой личности (группы) со стороны такой среды и ее авторитетов; чувство неотъемлемой принадлежности к генетическим, историко-культурным, духовным корням этой среды; ощущение и осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды» [Косолапов, 2003, с. 102].

Соответственно, результатом самоидентификации будет являться чувство идентичности. В психологии, социологии, культурологии рассматриваются половая, сексуальная, гендерная, этническая, национальная, религиозная, возрастная, профессиональная, социокультурная, гражданская, социальная, культурная идентичности. Может быть и более конкретное, детальное определение идентичности, например, внутри профессиональной группы – указание на принадлежность к направлению, течению, школе. Кроме этого, выделяются коллективная (групповая) и личностная идентичности, однако коллективная идентичность имеет приоритет перед личностной идентичностью и представляет собой образ, который группа конструирует относительно самой себя, и с которым идентифицируются все члены этой группы [Assmann, 2000, S. 131].

Таким образом, самоидентификация – осознание человеком своего членства в группе. На функции этого механизма указывает «Социологическая энциклопедия»: «3. (*псих.*) Эмоционально-когнитивный процесс неосознаваемого отождествления субъектом себя с другим субъектом, группой, образцом, помогающий ему успешно овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности, принимать социальные роли» [Социологическая энциклопедия, 2003, с. 335].

Действительно, этот процесс, с психологической точки зрения, можно считать первично неосознаваемым в силу своей обязательности и тотальности, то есть затрагивающим все слои личности – как сознательные, так и бессознательные. Так, О.И. Генисаретский указывает на идущее от С.С. Аверинцева представление о том, что все может быть рефлексивным и нерефлексивным: эмоции, гендер, идентичность, и выделяет, соответственно, наивную и рефлексивную идентичности [Генисаретский, 2002].

Однако этот процесс может быть не только «неосознаваемым»: на то, что чаще всего это как раз осознанное действие, указывает большое количество дискурсивных (текстовых) фрагментов в вербальной деятельности, в которых затрагивается тема идентификации / самоидентификации.

Осознание человеком своей идентичности является необходимым в его развитии и поведении. Отмечается, что «Я-идентичность обеспечивает целостность поведения, она поддерживает внутреннее единство личности, обеспечивает связь внешних и внутренних событий и позволяет солидаризоваться с социальными идеалами и групповыми стремлениями» [Миронова, 2008, с. 66].

В отечественной лингвистике последних лет существуют немногочисленные исследования, посвященные либо отдельным видам идентичности, отраженной в языке / речи носителей русского языка (работы Л.И. Гришаевой,

Л.В. Цуриковой (2003), Л.И. Гришаевой (2007), О.А. Леонтович (2007), Ю. Рот, Г. Коптельцевой (2006) (о национальной и культурной идентичности – в рамках проблемы формирования позитивной межкультурной компетенции), либо вербальным проявлениям идентичности в определенных типах дискурса (например, диссертационная работа В.М. Громовой (2007) о конструировании идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений).

В отличие от указанных работ, нас будет интересовать проблема вербализации идентичности носителя русского языка в целом, то есть специфика отражения существующей в сознании иерархии идентичностей в речи, зависимость выбора языковых средств самоидентификации от типа дискурса и типа речевой культуры говорящего, языковые маркеры стратегий и тактик при описании идентичности. К примеру, существующая в русском грамматическая модель описания идентичности «Я, КАК + СУЩ. В ИМ.П.» (*Я, как мать / учитель / директор, хочу тебе / вам напомнить...*) указывает на то, что говорящий а) подчеркивает свое право в этой роли делать определенное сообщение адресату, б) в его сознании в момент речи «мерцают» другие идентичности, но названная побеждает.

Рефлексивная идентичность является результатом вербальной (артикулированной) самоидентификации, когда в тексте прямо или косвенно указывается принадлежность автора к определенной группе, например: *Олигарх без галстука, конечно, с главой «ЮКОСа» Михаилом Ходорковским надо говорить о кризисе на Ближнем Востоке, ценах на нефть и журнале «Форбс», который регулярно включает российского олигарха в список самых богатых людей планеты. Но я, как девушка, не могу смириться с тем фактом, что 39-летний Ходорковский ещё и самый, простите, красивый из представителей крупного бизнеса. Хлопаю глазами, вздыхаю, говорю с укором: – Михаил Борисович, почему вы галстук не носите, вы же олигарх?! – Действительно...* (Елена Семенова. Олигарх без галстука, Аргументы и факты, 29 января 2003 г.). Мы видим здесь пример самоидентификации по половому признаку, когда, рядом с красивым олигархом, мужчиной, девушка якобы забывает о том, что она журналист, задавая вопрос о характерной детали мужской одежды. Половая идентификация становится средством оправдания выбора своей, «девичьей», темы для разговора.

Таким образом, **цель** нашей работы мы видим в описании структурно-семантического, лингвокогнитивного и прагматического своеобразия самоидентификации как дискурсивного феномена.

Самоидентификация понимается нами, во-первых, как самоотождествление человека с какой-либо группой / классом людей, во-вторых, как речевой акт, в котором говорящий дает определение, наименование себя в соответствии со своей принадлежностью к определенной национальной, социальной, профессиональной, возрастной, половой и или другим группе / классу людей. Речевой акт самоидентификации отражает идентичность и ценности говорящего субъекта как носителя определенной культуры, ср.:

Но мы же с вами люди интеллигентные.

Я, как мать, не могу позволить тебе возвращаться поздно домой.

Ура! Я поступил в институт! (=стал студентом).

В качестве рабочей классификации идентичностей возьмем теорию уровней самоидентификации психотерапевта М.А. Щербакова. В его книге «Семь путешествий в структуру сознания» анализируются семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой уровень, духовный уровень. Вместе с тем, данные русского языка указывают на то, что можно выделить, как минимум, еще один ключевой уровень идентификации – возрастной, и на то, что он теснейшим образом слит с половым и семейно-клановым уровнями.

Самоидентификация, на наш взгляд, с одной стороны, пересекается с созда-

нием автоимиджа [Даулетова, 2004], но по определению является шире него, так как последний, как правило, задействует только средства положительной самооценки, в отличие от самоидентификации. С другой стороны, и самоидентификация, и создание автоимиджа включаются в самопрезентационную деятельность, основой которой является самооценка.

Таким образом, акты самооценки и самоидентификации могут быть включены друг в друга. Ср.: *Я учитель* (профессиональная самоидентификация); *Я такая глупая!* (отрицательная самооценка умственных качеств); *Я профессионал в области бизнеса, занимаюсь экспертной деятельностью* (совмещены положительная самооценка профессиональных качеств и самоидентификация принадлежности, во-первых, к сфере бизнеса, во-вторых, к категории экспертов внутри этой сферы). В следующем фрагменте в лексическом значении слова «докторишка» совмещены профессиональная самоидентификация и дополнительный компонент *негативная оценка*, умаляющий профессию доктора и говорящего по сравнению с деятельностью и значимостью поэтов. Представляется, что оценочное слово используется в функции самозащиты:

– Скажите, Савва, как так получилось, что вы тогда, в двадцать седьмом, не поженились с Нинкой?

Савва был в полном замешательстве. Сладкая тоска, столь неуместная в стенах хирургической клиники, бурно подкатила к горлу.

– Ну... я, право, не знаю... сначала Семен, потом Степан... Разочарование в Семене, увлечение Степаном. Ведь они же **поэты**, Нина и Степан, не правда ли?.. А я – лишь скромный **докторишка**... Боже мой, да я люблю вашу дочь больше всего на свете!.. Я только о ней и думаю, когда... когда не оперирую, Борис Никитич...

– Она скоро возвращается, мой друг, – сказал Градов. Он испытывал к ассистенту острую симпатию и жалость. Скромный докторишка... Когда он ухаживал за Мэри в конце прошлого века, медицинский диплом считался верхом престижа. При нынешней власти все привычные престижи подвергаются унижению (В. Аксенов. Московская сага).

На близость актов вербальной оценки и идентификации (вербализации идентичности) указывают и существующие в науке классификации пропозиций. Так, например, классификация типов предложений, выделяемых на основе семантики предиката, включает **квалификативные предложения**, к которым относятся предложения тождества (*Вена – столица Австрии*), классификации (*Вена – столичный город*) и характеристики (*Он ленив*) [Гак, 1998, с. 457–458]. К пропозиции же характеристики в другой классификации (по характеру мыслительного процесса, организующего пропозицию) относят как оценочную информацию о человеке (*Он высок*), так и анкетные и таксономические данные (*Ему 40 лет; Должность – редактор*) [Шмелева, 1994]. Логические пропозиции, к которым относится и пропозиция характеристики, представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах и отношениях [Там же, с. 10]. На уровне логико-семантических отношений различия между таксономическими и квалификативными предложениями носят *вторичный* характер: и те, и другие предложения «связывают предмет в широком смысле (т.е. и класс предметов) с признаком (совокупностью признаков), отражая движение мысли от предмета к понятию» [Иванова, 2004, с. 116].

Кроме этого, существуют высказывания, где одни пропозиции маскируются под другие. Так, А.Д. Шмелев, анализируя предложения *Это необыкновенный ребенок; Это талант; Это молодчина*, говорит, что эти высказывания характеристики «подаются как ... высказывания идентификации» [Шмелев, 1990, с. 44].

Если перефразировать мысль Н.Д. Арутюновой о том, что оценка – «это отношение, выдаваемое за признак оцениваемого объекта» [Арутюнова, 1980, с. 8], идентификацию можно определить в большинстве случаев употреблений (кроме

ситуации вербализации анкетных данных) как оценку, *выдаваемую* за объективную принадлежность субъекта к какой-либо группе / классу людей.

В то же время, центром самоидентификации (на лексическом уровне языка) является собственно номинативная лексика. Самоидентификация, в отличие от самопрезентации и создания автоимиджа, не обязательно сопровождается положительной / отрицательной оценкой и вообще может не привлекать лексемы с собственно оценочной семантикой (как в примере с *докторшишкой*). В «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой представлено подмножество «Лицо, человек», достаточно большая часть которого составляет основу лексического поля самоидентификации. Имеется в виду та часть подмножества, которая относит лицо к какой-либо группе / классу людей, например, названия лиц по отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, к местонахождению; названия лиц по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, отношениям и др. [Русский семантический словарь, т. 1, 2002].

В «Большом толковом словаре русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко (2005) также можно найти группы слов, использующихся в самоидентификации / идентификации: существительные, обозначающие периоды жизни человека (*ребенок, старик*); родственные и семейные отношения (*мать, отец, сын*); существительные, обозначающие человека по отношению к религии (*католик, мусульманин*); существительные, обозначающие человека, живущего где-либо (*горец, горожанин*); существительные, обозначающие человека по отношению к еде (*вегетарианец, лакомка*) и т.д.

Безусловно, в речевой деятельности указанные лексемы часто приобретают коннотативную оценку, другими словами, номинативную лексику средством оценки делает ее дискурсивное использование с учетом тех знаний о мире, которые актуальны в определенном сообществе в определенный отрезок времени. Тем самым дискурс о самоидентификации становится и объектом изучения, и инструментом изучения семантики идентичности как элемента картины мира носителей языка и особенностей языковой личности.

Исходя из этого, наиболее продуктивным для разработки нашей темы представляется направление, обозначенное Е.С. Кубряковой как **когнитивно-дискурсивное**: «...согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в том случае, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова, 2004а, с. 11].

Иначе этот подход можно назвать когнитивно-прагматическим. Т.А. Трипольская, описывая эмоционально-оценочный дискурс, семантику эмотивной оценки в рамках антропоцентрической парадигмы, использует когнитивно-прагматический подход: «Избранный комплексный подход в описании данного фрагмента словаря отвечает общей тенденции к интеграции гуманитарного знания. Он не является механическим объединением когнитивного и прагматического подходов, достаточно широко представленных в современных исследованиях, но основывается на положении о том, что в основе представлений об успешности эмотивно-оценочных речевых актов в реальной коммуникации лежат когнитивные процессы. Когнитивная структура языка открывает доступ к процессам и структурам, обеспечивающим адекватное порождение и восприятие речи. Условия успешности речевых актов, сформулированные в прагматике, имеют, как правило, когнитивную основу» (М. Минский, Ч. Филмор, Т.А. ван Дейк, В.В. Петров) [Трипольская, 1999, с. 4–5].

Дискурс является неотъемлемой частью социальных отношений, поскольку, с одной стороны, формируется ими, а с другой – сам формирует эти отношения. Поэтому всякий дискурс можно рассматривать как «особое использование языка» [Степанов, 1995, с. 38], как коммуникативное событие («дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136]), а также как «способ упорядочения действительности» [Фуко, 1996, с. 18]. Дискурс является «сложным единством языковой формы, знания и действия» [ван Дейк, 1989, с. 121], поскольку в его реализации участвует не только язык в актуальном употреблении, но и экстралингвистические факторы, предопределяющие общение, и когнитивные структуры, обуславливающие существование дискурса.

Вслед за Е.С. Кубряковой *дискурс* определяем как такую форму «использования языка в реальном времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004б, с. 525].

Семантика самоидентификации может быть актуальной в самых разных типах дискурса, выделяемых разными учеными и по разным основаниям: в устном / письменном; в конфликтном (экстремистском); в аргументативном; в персональном / институциональном (В.И. Карасик); в бытовом, научном, политическом, деловом, конфессиональном (С.А. Сухих, В.В. Зеленская); в истерическом, обесивном, эпилептоидном, шизоидном, невротическом, психотическом, депрессивном (В.П. Руднев). Одной из наших задач является описание специфики самоидентификации в разных типах дискурса.

«Перекресток когниции и коммуникации», когниции и прагматики в акте самоидентификации видится нам в том, что говорящий одновременно находится в двух взаимосвязанных и взаимозависимых процессах: а) категоризации (то есть отождествлении себя с какой-либо группой, категорией людей) и б) осуществлении коммуникативного намерения в результате вербального действия (то есть имеющегося у говорящего представления об успешности коммуникации). Спектр коммуникативных намерений, осуществляемых в ходе самоидентификации, довольно широк: оправдание своих действий, разрешение что-либо делать или не делать, привлечение внимания, защита от нападения, маскировка смущения, умаление / преувеличение своих достоинств или даже сокрытие своей идентичности. В целом, вербальная самоидентификация – мощнейший риторический прием и средство убеждения адресата, способ регуляции взаимоотношений коммуникантов, установления своих границ, прав и компетенций. Дискурсивные стратегии описаны нами в статье «Стратегии и тактики языковой личности в дискурсе самоидентификации» [Лаппо, 2010].

Когнитивно-дискурсивный подход в изучении самоидентификации позволяет выявить и проанализировать и косвенные способы ее языковой репрезентации. Во-первых, в основе когнитивной лингвистики лежит представление об определенных ментальных структурах в сознании говорящего, позволяющих ему пользоваться языком. Так, знание одного из узлов (слотов) фреймов *инженер, математик* – *изучать аналитическую геометрию в числе других дисциплин* – дает возможность приблизительно определить профессиональную идентичность говорящего субъекта, которую он прямо не называет, в следующем фрагменте:

Своими писательскими трудами профессор О.Н. Цубербиллер, пожалуй, заткнула за пояс по числу переизданий самого Уильяма Шекспира. Её сборник задач по аналитической геометрии, по которому училось всё советское студенчество (в том числе и автор этой книги), выдержал 36 изданий (Л. Анискович. С. Парнок и К. Родзевич. Две стороны одной луны).

Во-вторых, в основе дискурс-анализа находятся такие категории, как топик, контекст, пресуппозиция, смысловая скважина, подтекст, экпликатура, импликатура, аллюзия, коммуникативная ситуация. Поэтому, например, знание пресуппозиции *нетрадиционная сексуальная ориентация Софии Парнок* позволяет «расшифровать» то, что именно об этом она косвенно пишет в своих письмах, намеренно избегая прямых номинаций:

В глазах отца я – сумасбродная девчонка и больше ничего. Мой образ мыслей и вкусы оскорбляют его патриархальные добродетели, и он снисходит ко мне... (С. Парнок – В. Волькенштейну).

Мы согласны с М. Фуко, «что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [Фуко, 1996, с. 51]. В данных письмах, используется самая привычная, по Фуко, форма процедуры *исключения* – процедура *запрета*: «Нам хорошо известно, что говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно» [Там же].

Таким образом, перспективами нашего исследования текста о самоидентификации мы видим в разрешении ряда проблем, а именно: а) отграничение самоидентификации от смежных явлений (самооценки, самопрезентации, создания автоимиджа и др.); б) разграничение в ней структур анкетных данных, классификации (таксономии) и оценки (характеризации); в) выделение стратегий и тактик (коммуникативных ходов) самоидентификации с учетом когнитивных планов (ван Дейк) в разных типах дискурса языковыми личностями разных культурных уровней; г) специфика прямого и косвенного отражения существующей в сознании иерархии идентичностей в речи.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
- Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2005.
- Гак В.Г. Семантический синтаксис // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1998.
- Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. М., 2007.
- Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж, 2003.
- Громова В.М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007.
- Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Иванова Е.Ю. О некоторых подходах к изучению семантического устройства предложения // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2. С. 111–121.
- Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Кожемякин Е. Дискурсный подход к изучению культуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/st6.html>.
- Косолапов Н.А. Идентичность // Глоссарий по политической психологии. М., 2003.

- Кубрякова Е.С. В начале XXI в. (Размышления о судьбе когнитивной лингвистики на рубеже веков) // Когнитивная семантика. Тамбов, 2004а. Ч. 1.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004б.
- Лаппо М.А. Стратегии и тактики языковой личности в дискурсе самоидентификации // Языковая личность в зеркале современной коммуникации: Материалы всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление», Екатеринбург, 15–17 апреля 2010 г. / Отв. ред. проф. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2010. С. 76–80.
- Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.
- Леонтьев Д.А. Идентификация // Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М., 2004.
- Миронова Н.И. Отражение характеристик коммуниканта в речевом поведении (когнитивный анализ). М., 2008.
- Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие. М., 2006.
- Руднев В.П. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М., 2002.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизирующий по классам слов и значений / РАН; Институт русского языка; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2002. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос).
- События России – в родовом и личностном времени. Авторский вечер с О.И. Генисаретским // Поколенческий дискурс в практиках самоопределения. Томск, 2002. С. 114–134.
- Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 1. А – М.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.
- Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.
- Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–96.
- Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990. С. 33–52.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994.
- Щербаков М.А. Семь путешествий в структуру сознания. М., 1998.
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. München, 2000.